

Третий принц, услышав это, слегка встревожился и с некоторой долей сомнения произнёс:

— Император Жэньхуэй из прошлой династии был возведён в статус наследника престола благодаря своему происхождению, а затем взошёл на трон.

Он опасался не только Четвёртого принца, но и своего собственного старшего сына от законной жены.

Яо Яньцин усмехнулся:

— Когда Императора Жэньхуэй возвели в наследники, он уже был юношей. Ваше Высочество, не забывайте, что страна, где правитель юн, а министры сильны, — это не к счастью.

— Одна ваша речь стоит десяти лет учёбы, — улыбнулся Третий принц, протянув руку и обняв Яо Яньцина за плечо. Голос его звучал мягко:

— Скажи, Пятый господин, как мне лучше поступить?

Яо Яньцин взглянул на руку, лежащую на его плече, и снял её, ответив:

— Ваше Высочество, такой умный человек, как вы, разве нуждается в советах такого, как я?

Третий принц рассмеялся, но в душе уже составил план. Он поклонился Яо Яньцину и сказал:

— Пятый господин, я запомню вашу доброту. Если когда-нибудь у вас возникнут трудности, я непременно помогу.

Яо Яньцин улыбнулся сдержанно:

— Я запомню ваши слова, Ваше Высочество.

Они вместе вошли во дворец. Император Вэнь, увидев их, не удивился и спросил:

— Есть ли новые сведения по делу князя Кэшуня?

Яо Яньцин смутился, сначала покачал головой, а затем достал из рукава письмо. Лян Цзи, заметив это, поспешил подойти, принял письмо и передал его императору. Вэнь, взглянув на письмо, посмотрел на Третьего принца с загадочным выражением лица.

— Откуда это письмо? — спросил император у Яо Яньцина.

Яо Яньцин почтительно ответил:

— Его передала мне принцесса Даньян.

— Это странно. Вчера она не передала его мне, своему дяде, а отдала тебе? — голос императора звучал ровно, не выдавая эмоций.

Яо Яньцин тихо ответил:

— Принцесса, вероятно, боялась, что содержание письма вызовет некоторые недоразумения, и потому оставила его у себя.

Император вздохнул:

— Это излишняя осторожность.

Яо Яньцин согласился:

— Я тоже так считаю. Ваше Величество всегда относились к принцессе с любовью и никогда не позволили бы ей страдать.

Император едва заметно улыбнулся в уголке рта, а затем сказал:

— Я поручил Третьему принцу вести дело о казнокрадстве в Сучжоу, а ты ему помогаешь. Есть ли в этом деле следы князя Кэшуня?

Яо Яньцин покачал головой:

— Я ничего не обнаружил, потому и считаю это письмо весьма подозрительным.

Он не стал говорить больше. Учитывая его положение, если бы он стал защищать Третьего принца, даже если император сейчас рад их сближению, со временем он мог бы начать сомневаться.

Император улыбнулся:

— Действительно, есть подозрения. Но поскольку в письме прямо говорится, что Третий принц и князь Кэшунь участвовали в деле о казнокрадстве в Сучжоу, лучше не оставлять его главным судьёй. Сначала нужно доказать его невиновность.

Яо Яньцин понял: император таким образом защищает своего сына. Независимо от того, правда ли в письме, по крайней мере внешне он не поверил.

— Отец, я считаю, что невиновный не нуждается в оправданиях. Это просто козни негодяев. Я чист перед совестью, и если я буду уклоняться, это лишь вызовет подозрения, — твёрдо сказал Третий принц.

Император одобрительно улыбнулся и взглянул на Яо Яньцина:

— Пятый господин, что ты думаешь?

Яо Яньцин, уже поняв мысли императора, ответил:

— Я тоже считаю, что слова Третьего принца весьма разумны.

Император посмотрел на Третьего принца и строго сказал:

— В таком случае, дело всё ещё будет вести ты. Но поскольку ты упомянут в письме, тебе не подходит заниматься его расследованием. Пусть Пятый господин этим займётся.

Император опёрся на подлокотник трона и слегка наклонился вперёд:

— Я не верю, что мой брат замешан в деле о Сучжоу. Ты должен доказать его невиновность.

Яо Яньцин почтительно согласился, понимая намерения императора. Внешне речь шла о доказательстве невиновности князя Кэшуня, но на самом деле — о защите Третьего принца. Ведь если князь Кэшунь невиновен, то как Третий принц мог быть замешан в деле о казнокрадстве в Сучжоу?

Третий принц покинул дворец раньше Яо Яньцина. Император оставил Яо Яньцина одного в Чертоге Цзычэнь, приказав слугам принести небольшой столик и несколько видов пирожных.

Яо Яньцин плохо спал прошлой ночью, а утром много бегал, и аромат сладких пирожных вызвал у него настоящий голод.

Император указал на тарелку с пирожными и предложил Яо Яньцину перекусить. Тот поблагодарил, взял кусочек кислого мармелада и начал есть. Император, увидев это, едва заметно улыбнулся:

— Твой отец тоже любил кислый мармелад из дворца. Покойный император часто дарил ему несколько коробок, чтобы он брал их домой.

Яо Яньцин проглотил пирожное и встал:

— Мне тоже больше нравятся дворцовые сладости, особенно этот кислый мармелад. Он очень вкусный.

Император жестом велел ему сесть и улыбнулся:

— Если нравится, ешь больше. Такое хорошее настроение редко бывает. После еды я теперь могу съесть только один кусочек, и то с трудом.

Затем он приказал Лян Цзи:

— Позже упакуй коробку для Пятого господина.

Яо Яньцин снова встал, чтобы поблагодарить. Император велел ему сесть и с мягкой улыбкой сказал:

— Ты тоже мой младший родственник. Передо мной не нужно быть таким скромным. Просто садись и говори.

Яо Яньцин кивнул, но не воспринял эти слова всерьёз. Племянников у императора было много, и даже те, кто вырос у него на глазах, не имели особой привязанности, не говоря уже о нём.

— Что ты думаешь об этом письме? Передо мной не нужно скрывать, говори прямо, — император похлопал рукой по письму, лежащему на столике.

Яо Яньцин не колебался и сразу ответил:

— Я считаю, что в письме половина правды, а половина лжи.

Император прищурился и улыбнулся:

— А что правда, а что ложь?

Яо Яньцин слегка улыбнулся:

— Я думаю, что факт сговора князя Кэшуня с кем-то — правда, но если говорить о Третьем принце, то это ложь.

— Ты думаешь, что Третий принц не способен на такое? — поднял брови император, не упоминая о сговоре князя Кэшуня.

Яо Яньцин ответил:

— Когда я участвовал в расследовании дела о Сучжоу, я не нашёл никаких доказательств причастности Третьего принца.

Затем он улыбнулся:

— Я не верю Третьему принцу, я верю, что не ошибся в своём расследовании.

Император рассмеялся и указал на Яо Яньцина:

— Ты, парень, не скромничаешь.

Яо Яньцин улыбнулся, его глаза засияли:

— Если я не могу доверять своим суждениям, как я могу вести дела?

— Уверенность — это хорошо. В этом Третий принц тебе уступает, — вздохнул император.

— Я не могу сравнивать себя с Третьим принцем, — тихо сказал Яо Яньцин.

Император покачал головой, встал с трона, и Яо Яньцин сразу же отступил в сторону.

Император взглянул на Яо Яньцина и улыбнулся:

— Я говорю, что Третий принц уступает тебе, это правда. Из моих сыновей только Четвёртый принц может сравниться с тобой в хитрости, но в таланте он тебе уступает. Четвёртый принц — мой ученик, я вложил в него больше всего сил.

В голосе императора звучала ностальгия, а в сердце он чувствовал горечь. Этот сын, в которого он вложил столько сил, не оправдал его надежд.

— Я не общался с Четвёртым принцем, но слышал, как Великий наставник Сюй хвалил его за ум и усердие, — тихо сказал Яо Яньцин.

Он лишь имел опыт прошлой жизни, а в прошлой жизни он тоже шёл трудным путём, получая раны.

Император вздохнул:

— Великий наставник Сюй прав, но чрезмерный ум может быть опасен.

Яо Яньцин опустил глаза, а император продолжил:

— Четвёртый принц обижен, я знаю. И Третий принц, и другие, разве они не обижались, когда я отправил их на границу в юности? Но я делал это ради будущего Цзинь-Тан.

<http://bllate.org/book/16709/1536012>